

На правах рукописи

КУНОВ Инвер Мурадинович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ
КРИМИНОГЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар – 2017

Работа выполнена на кафедре уголовного права и криминологии
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: Заслуженный юрист Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор
Коняхин Владимир Павлович

Официальные оппоненты: **Пудовочкин Юрий Евгеньевич**
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»
профессор кафедры уголовного права

Коростылев Олег Иванович
кандидат юридических наук,
Ставропольский филиал ФГКОУ ВО
«Краснодарский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации»
начальник научно-исследовательского и
редакционно-издательского отделения

Ведущая организация: ФГКОУ ВО «Московский университет
Министерства внутренних дел Российской
Федерации имени В.Я. Кикотя»

Защита состоится «29» сентября 2017 года в 12⁰⁰ часов на заседании
диссертационного совета Д 220.038.11 при Федеральном государственном
бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кубанский
государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» по адресу:
350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус университета, ауд. 215

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», а
с электронной версией диссертации и автореферата – на сайте www.kubsau.ru

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Шульга Андрей Владимирович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Сложившаяся к настоящему времени ситуация в области борьбы с преступностью характеризуется активным поиском эффективных форм и методов противодействия деятельности радикальных общественных объединений, неправительственных организаций, а также частных лиц, использующих националистическую, сепаратистскую и религиозно-экстремистскую идеологию в целях дестабилизации внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране.

Прокатившаяся волна «цветных революций» продемонстрировала все ужасающие последствия неудачи силовых структур отдельных государств в этом направлении: возникновение новых очагов вооружённых конфликтов, связанных с многочисленными жертвами среди мирного населения, эскалация терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды, иных проявлений экстремизма, неконтролируемое распространение оружия, разрушение экономики, повсеместное нарушение основополагающих прав и свобод человека и др.

В связи с этим Стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹ в качестве одной из основных угроз государственной и общественной безопасности указывает деятельность, связанную с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе.

Принимая во внимание криминогенный потенциал распространения информации, возбуждающей или укрепляющей желание у неопределённо большого круга лиц на совершение преступлений, а равно оправдывающей такое поведение (криминогенной информации), отечественный законодатель последовательно демонстрирует тенденцию по криминализации все новых и новых форм таких действий.

¹ Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016 г., №1 (часть II), ст. 212.

Итогом реализации данного уголовно-политического курса на уровне правотворчества явилось формирование относительно целостной системы преступлений, общественная опасность которых заключается в распространении криминогенной информации: ст. 205² «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма», ч. 3 ст. 212 «Призывы к массовым беспорядкам или к участию в них, а равно призывы к насилию над гражданами», ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 280¹ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 354 «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны», ст. 354¹ «Реабилитация нацизма».

Следует отметить, что закрепление отдельных из указанных норм явилось результатом выполнения Российской Федерацией взятых на себя международных обязательств. Так, например, на необходимость установления уголовной ответственности за публичные призывы к совершению террористических преступлений указывает Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г.²

Несмотря на распространённость террористической, сепаратистской, националистической и экстремистской пропаганды, уголовно-правовые нормы об ответственности за распространение криминогенной информации применяются довольно редко. Таким образом, двойной превентивный потенциал уголовно-правовых норм об ответственности за распространение криминогенной информации реализуется далеко не в полном объёме. В связи с этим идеологи фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, а также нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе продолжают безнаказанно свою подрывную деятельность, внося существенный вклад в продуцирование новых преступлений.

² Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2393.

Неприменение или крайне редкое применение уголовно-правовых норм об ответственности за распространение криминогенной информации обусловлено различными причинами. В качестве основных следует назвать просчёты законотворческой практики при их конструировании, отсутствие непротиворечивых рекомендаций по квалификации и непрофессионализм правоприменителя. Кроме того, в условиях современного информационного общества распространение криминогенной информации зачастую приобретает транснациональное измерение, весьма непостоянно в своих формах и, как следствие, носит глобальный характер.

Изложенное позволяет сделать вывод о наличии насущной потребности в проведении всестороннего исследования комплекса теоретических и практических проблем уголовной ответственности за преступления, связанные с распространением криминогенной информации.

Степень научной разработанности темы. Специального комплексного исследования, посвящённого проблемам уголовно-правового противодействия распространению криминогенной информации, ранее не проводилось.

Уголовно-правовая характеристика отдельных преступлений, направленных на криминализацию общественного сознания, представлена в учебной литературе и диссертационных исследованиях (Э. С. Абдуллаева, С. В. Борисов, А. В. Жеребченко, З. А. Шибзухов), а также отдельных научных статьях (А. А. Балашов, А. М. Багмет, А. Ю. Иванов, А. Г. Кибальник, О. И. Коростылев, Р. В. Кулешов, И. В. Матвеев, А. Г. Хлебушкин).

Самостоятельным блоком следует выделить работы, посвящённые смежной проблематике, – пределам ограничения свободы слова средствами уголовного права (И. И. Барышева, З. М. Бешукова, Г. А. Есаков, О. В. Костылева, С. М. Оленников, Ю. Е. Пудовочкин).

Исследования, проведённые этими и другими авторами, без сомнения внесли значительный вклад в разработку теории и практики уголовного противодействия распространению криминогенной информации. Вместе с тем до настоящего времени остаётся окончательно не решённым целый комплекс про-

блем, в связи с чем степень научной разработанности избранной темы нельзя считать удовлетворительной.

Цель исследования состоит в разработке теоретических положений по преодолению проблем, возникающих в связи с уголовно-правовым противодействием распространению криминогенной информации.

Реализация указанной цели достигалась путём последовательного решения следующих **задач**:

- изучены международно-правовые стандарты регламентации уголовной ответственности за распространение криминогенной информации;
- определены признаки и содержание системы уголовно-правовых норм об ответственности за распространение криминогенной информации;
- осуществлён юридический анализ составов преступлений, предусмотренных ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 280, ст. 280¹, ст. 282, ст. 354, ст. 354¹ УК РФ;
- выявлены недостатки уголовного законодательства, касающиеся ответственности за распространение криминогенной информации;
- изучена практика применения соответствующих уголовно-правовых норм с целью выявления и устранения имеющихся трудностей и ошибок;
- разработаны рекомендации по квалификации и отграничению распространения криминогенной информации от смежных составов преступлений в следственной и судебной практике;
- обоснованы предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией уголовно-правовых норм об ответственности за распространение криминогенной информации.

Предметом исследования выступают: непосредственно уголовно-правовые нормы об ответственности за распространение криминогенной информации; нормы международного права; материалы следственно-судебной практики по исследуемой проблематике; публикации научные работы по теме, а также результаты социологических исследований.

Методологическая основа диссертационного исследования представлена диалектическим методом, совокупностью общенаучных (исторический, сравнительно-правовой, функциональный, системно-структурный и др.) и формально-логических методов (анализ, синтез, определение, классификация, индукция, дедукция и др.). В процессе исследования также использовались анкетирование и интервьюирование.

Нормативную базу исследования составляют международные правовые акты, Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральный закон от 06.03. 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и др.

Теоретическую основу диссертации составляют основные положения доктрины российского уголовного права, а также относящиеся к объекту исследования труды в области криминологии, международного права, теории права и государства, социологии и др. При проведении исследования использовались работы Л. Д. Гаухмана, А. Э. Жалинского, И. В. Иногамовой-Хегай, Н. Г. Кадникова, И. А. Клепицкого, В. П. Коняхина, Н. Ф. Кузнецовой, Н. А. Лопашенко, А. В. Наумова, К. В. Ображиева, Ю. Е. Пудовочкина, П. С. Яни и др.

При проведении исследования была использована следующая **эмпирическая база**:

– статистические сведения о применении уголовно-правовых норм об ответственности за распространение криминогенной информации за период с 2009 г. по 2016 г.;

– материалы 142 уголовных дел по фактам распространения криминогенной информации;

– результаты анкетирования и интервьюирования: а) практических работников г. Москвы, Московской и Ростовской областей, Краснодарского края, Ставропольского края и Республики Дагестан: 26 судей федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, 37 прокуроров и помощников прокуроров, 42

практикующих адвокатов, 53 следователей, дознавателей и оперативных сотрудников по проблемам практической реализации уголовно-правовых норм об ответственности за распространение криминогенной информации; б) 43 кандидатов и докторов юридических наук по основным теоретическим аспектам, связанным с проблемами правовой регламентации и практической реализации уголовно-правовых норм об ответственности за распространение криминогенной информации;

– результаты изучения материалов уголовных дел и опроса правоприменителей, приведёнными другими исследователями;

– результаты обобщения информации, опубликованной на протяжении с 2005 г. по 2017 г. в таких печатных и интернет-изданиях как «Российская газета», «Ведомости», «Коммерсантъ» и др.

Научная новизна диссертации определяется, прежде всего, тем, что она представляет собой первое комплексное исследование уголовно-правового противодействия распространению криминогенной информации. Кроме того, новизна работы заключается в: а) положениях, ставших результатом актуального и комплексного анализа международных стандартов криминализации распространения криминогенной информации; б) предложениях по разрешению дискуссионных вопросов, связанных с содержанием конструктивных (криминообразующих) признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 280, ст. 280¹, ст. 282, ст. 354, ст. 354¹ УК РФ; в) авторском толковании их квалифицированных видов; г) рекомендациях по проблемным вопросам квалификации распространения криминогенной информации в аспекте уголовно-правовых институтов соучастия, неоконченного преступления и множественности; д) предложениях по совершенствованию действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики по делам о распространении криминогенной информации.

Основные результаты диссертационного исследования представлены в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. **Выявлены правовые предпосылки уголовно-правовых ограничений свободы слова.** Устанавливаемые государством уголовно-правовые ограничения свободы слова должны соответствовать следующим условиям: а) не противоречить нормам международного права; б) основываться на закреплённых в Конституции Российской Федерации основаниях; в) являться соразмерными конституционно значимым целям и соответствующим угрозам, которым подвергаются защищаемые законом права и интересы; г) быть определёнными, позволяющими лицу, пользуясь при необходимости разъяснениями специалистов, предвидеть последствия, которые может повлечь за собой распространение конкретной информации. На современном этапе развития отечественного уголовного законодательства конституционные гарантии права на свободу слова ослабляет недостаточная определённость предписаний уголовно-правовых норм об ответственности за распространение криминогенной информации, которая создаёт предпосылки для их противоречивого толкования и произвольного правоприменения.

2. **Сформулировано авторское определение криминогенной информации,** под которой предложено понимать информацию, выраженную в любой форме (вербальной, текстовой, графической или электронной), доступной для восприятия человеком, возбуждающую или укрепляющую желание у персонально неопределённого круга лиц на совершение преступлений, а равно оправдывающую такое поведение.

3. **Определена система уголовно-правовых норм об ответственности за распространение криминогенной информации.** Она представляет собой совокупность предусмотренных уголовным законодательством запретов на осуществление лицом права свободно выражать собственное мнение, передавать или распространять информацию, возбуждающую или укрепляющую желание у неопределённого круга лиц на совершение преступлений, а равно оправдывающую такое поведение. Элементами данной системы являются следующие группы норм:

а) об ответственности за публичные призывы к преступным деяниям (ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 280, ст. 280¹, ст. 354 УК РФ);

б) об ответственности за оправдание или реабилитацию преступных деяний (ст. 205², ст. 354¹ УК РФ);

в) об ответственности за распространение информации, возбуждающей ненависть или вражду (ст. 282 УК РФ).

4. Предложения, направленные на оптимизацию уголовного законодательства, посредством конкретизации признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 280, ст. 280¹, ст. 282, ст. 354, ст. 354¹ УК РФ, и технико-юридического совершенствования:

– диспозицию ст. 205² УК РФ изложить в следующей редакции: «Публичный призыв или оправдание террористической деятельности, а равно распространение материалов такого же содержания»;

– закрепить примечание к ст. 280 УК РФ в следующей редакции: «В настоящей статье под экстремистской деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 280, 280¹, 282, 282¹, 282², 282³, а также иных преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса»;

– диспозицию ст. 280¹ УК РФ изложить в следующей редакции: «Публичный призыв к вооружённому мятежу, массовым беспорядкам, совершению иных насильственных действий, а также к воспрепятствованию законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений или иных организаций в целях нарушения территориальной целостности Российской Федерации»;

– часть 1 ст. 354¹ УК РФ изложить в следующей редакции: «Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, оправдание преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных порочащих сведений о деятельности вооружённых сил СССР в годы Второй мировой войны, совершённые публично»;

– регламентировать уголовную ответственность за распространение сведений, выражающих явное неуважение к обществу, о днях воинской славы и па-

мятных датах России, связанных с защитой Отечества, а также осквернение символов воинской славы России, в рамках самостоятельной нормы в главе 24 УК РФ (ст. 214¹ УК РФ «Посягательство на историческую память, связанную с защитой Отечества»);

– выделить в самостоятельные составы: публичные призывы к массовым беспорядкам и насилию над гражданами (ст. 212² УК РФ «Публичный призыв к массовым беспорядкам»); публичных призывов к геноциду (ст. 357¹ УК РФ «Публичный призыв к геноциду»).

5. Разработана типовая модель квалифицированных видов распространения криминогенной информации, внедрение которой позволит обеспечить системную дифференциацию уголовной ответственности:

«2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершённое:

а) группой лиц по предварительному сговору;

*б) с использованием средств массовой информации, продукция которых предназначена для распространения на территории муниципального образования, субъекта либо нескольких субъектов Российской Федерации, –
наказывается...*

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершённое:

а) с использованием средств массовой информации, продукция которых предназначена для распространения на всей территории Российской Федерации, а равно за ее пределами;

б) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет;

в) в образовательной организации, а также местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;

*г) лицом с использованием своего служебного положения, –
наказывается...*

4. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное:

а) организованной группой;

б) с использованием обязательных общедоступных телеканалов или радиоканалов;

в) лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, –
наказывается...».

6. Сформулированы рекомендации по квалификации деяний, связанных с распространением криминогенной информации, в аспекте институтов неоконченного преступления, соучастия и множественности, а также с позиции их отграничения от смежных составов преступлений (приводятся в тексте диссертации и автореферата), практическое внедрение которых позволит обеспечить единообразное правоприменение.

Теоретическая значимость исследования заключается в дополнении и развитии отечественной доктрины уголовного права, а именно ее разделов о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка, основ конституционного строя и безопасности государства, а также против мира и безопасности человечества.

Практическое значение диссертационного исследования состоит в возможности использования выводов и предложений в правотворческой деятельности; в практической деятельности правоохранительных органов и суда; в учебном процессе при преподавании курсов «Криминология», «Уголовное право» и «Информационное право»; для повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов и судей.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность положений и выводов работы обеспечена внушительной теоретической базой, объединяющей все значимые разработки по исследуемой проблематике, солидной эмпирикой, а также надёжным методологическим инструментарием.

Основные положения диссертации нашли отражение в семи научных публикациях, в том числе в четырех статьях в изданиях, входящих в перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации. Сформулированные концептуальные положения докладывались автором на Межвузовском научно-методическом семинаре «Научно-методическое обеспечение подготовки сотрудников органов внутренних дел в целях противодействия преступности (посвящённом 20-летию принятия Уголовного кодекса Российской Федерации)» (Москва, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 13 мая 2016 г.), на круглом столе «Квалификация преступлений: общие и частные проблемы» (Москва, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 15 июня 2016 г.), VII Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Краснодар, Краснодарский университет МВД России, 29 – 30 сентября 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Проблемы эффективности права в современной России» (Краснодар, Кубанский государственный университет, 07 – 08 октября 2016 г.); XIV Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке (Москва, МГЮА им. О.Е. Кутафина, 26 – 27 января 2017 г.).

Материалы исследования используются при преподавании учебных дисциплин и спецкурсов криминального цикла в Кубанском государственном университете, Кубанском государственном аграрном университете имени И.Т. Трубилина, Краснодарском университете МВД России, а также в практической деятельности следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому краю.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, объединяющих семь параграфов, заключения, библиографии и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются его цели и задачи, объект и предмет, характеризуются методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы, рассматривается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации и внедрении полученных результатов.

Первая глава диссертации – **«Уголовно-правовые ограничения свободы слова: международные стандарты и их реализация на национальном уровне»** – состоит из двух параграфов. В первом из них рассматриваются **международно-правовые и конституционные основы уголовно-правовых ограничений свободы слова**. Международные договорные нормы, признавая фундаментальный характер права на свободу слова, одновременно допускают возможность его ограничения, в том числе путем признания преступлением наиболее опасных форм информационного обмена.

Конституции Российской Федерации реализует аналогичный подход к определению права на свободу слова и пределов его допустимого ограничения. Гарантируя каждому свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции РФ), Основной закон России допускает ограничение свободы слова в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55).

Учитывая угрозу административно-властного злоупотребления антитеррористическим и антиэкстремистским законодательством для подавления политических и критических высказываний, международные основы предполагают возможность легитимного ограничения свободы слова исключительно в случаях защиты от нарушений индивидуальных прав и социальных интересов. При этом свобода выражения мнения ни при каких обстоятельствах не может ограничиваться для защиты абстрактных понятий, концепций или убеждений, в том числе религиозных.

Соискатель делает вывод, что хотя имеющиеся в настоящее время уголовно-правовые ограничения свободы слова в целом корреспондируют нормам международного права и Конституции Российской Федерации, предписания некоторых из них являются недостаточно определёнными, что, по его мнению, создаёт предпосылки для их произвольного правоприменения и, следовательно, ослабляет конституционные гарантии права на свободу слова.

На основе проведённого исследования автор обосновывает, что устанавливаемые государством уголовно-правовые ограничения свободы слова должны соответствовать следующим требованиям (условиям) правомерности: а) не противоречить нормам международного права; б) основываться на закреплённых в Конституции Российской Федерации основаниях; в) являться соразмерными конституционно значимым целям и соответствующим угрозам, которым подвергаются защищаемые законом права и интересы; г) быть определёнными, позволяющими лицу, пользуясь при необходимости разъяснениями специалистов, предвидеть последствия, которые может повлечь за собой распространение конкретной информации.

Второй параграф первой главы диссертации посвящён анализу **норм об ответственности за распространение криминогенной информации в системе уголовно-правовых ограничений свободы слова**. Под системой уголовно-правовых ограничений свободы слова предлагается понимать закреплённую в образцах поведения и правосознании субъектов функционирующую целостность предусмотренных уголовным законодательством запретов на осуществление лицом права свободно выражать собственное мнение, передавать или распространять информацию. Отмечается, что интегративным свойством системы уголовно-правовых ограничений свободы слова выступает ее способность к регулированию специфической группы общественных отношений – отношений, связанных с реализацией лицом права свободно выражать собственное мнение, передавать или распространять информацию.

В работе аргументируется, что система уголовно-правовых ограничений свободы слова обладает такими сущностными свойствами как синергетичность,

адаптивность и динамичность. Кроме того, она находится в неразрывном взаимодействии с компонентами внешней среды, такими статично не существующими образованиями и структурами, как приоритеты политической и экономической сфер жизни общества, снижение или увеличение уровня безопасности, ухудшение или улучшение социальной защищенности населения и т.п.

В зависимости от содержания распространяемой информации систему уголовно-правовых ограничений свободы слова автор формирует следующим образом:

1) нормы об ответственности за распространение информации, оборот которой ограничен законодательством (ст. 137, ст. 138, ст. 146, ст. 155, ст. 183, ч. 2 ст. 185⁶, ст. 275, ст. 276, ст. 283, ст. 310, ст. 311, ст. 320 УК РФ);

2) нормы об ответственности за распространение открытой лишённой ценности вредной (вредоносной) информации:

2.1) нормы об ответственности за распространение информации, оказывающей деструктивное воздействие на психику человека, причиняющей вред здоровью населения и общественной нравственности (ст. 110, ст. 119, ст. 151, ст. 230, ст. 240, ст. 242, ст. 242¹ УК РФ);

2.2) нормы об ответственности за распространение недостоверной (ложной) информации (ст. 128¹, ст. 185³, ст. 298¹, ст. 306, ст. 307 УК РФ);

2.3) нормы об ответственности за оскорбление (ст. 297, ст. 319, ст. 336 УК РФ);

2.4) нормы об ответственности за подстрекательство к совершению преступлений (ч. 4 ст. 33, ст. 150, ч. 1 ст. 205¹, ч. 2 ст. 361 УК РФ);

2.5) нормы об ответственности за распространение криминогенной информации (ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 280, ст. 280¹, ст. 282, ст. 354, ст. 354¹ УК РФ).

В работе представлена дефиниция криминогенной информации, под которой предлагается понимать информацию, выраженную в любой форме (вербальной, текстовой, графической, электронной), доступной для восприятия человеком, возбуждающую или укрепляющую желание у персонально неопределённо круга лиц на совершение преступлений, а равно оправдывающую такое поведе-

ние.

Систему уголовно-правовых норм об ответственности за распространение криминогенной информации диссертант определяет как совокупность предусмотренных уголовным законодательством запретов на осуществление лицом права свободно выражать собственное мнение, передавать или распространять информацию, возбуждающую или укрепляющую желание у неопределённого круга лиц на совершение преступлений, а равно оправдывающую такое поведение.

В структуре данной системы выделены следующие группы:

- 1) нормы об ответственности за публичные призывы к преступным деяниям (ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 280, ст. 280¹, ст. 354 УК РФ);
- 2) нормы об ответственности за оправдание или реабилитацию преступных деяний (ст. 205², ст. 354¹ УК РФ);
- 3) нормы об ответственности за распространение информации, возбуждающей ненависть или вражду (ст. 282 УК РФ).

Вторая глава диссертации – **«Уголовно-правовая характеристика преступлений, выражающихся в распространении криминогенной информации»** – состоит из трёх параграфов. В первом из них рассматриваются **публичные призывы к преступным деяниям**. Соискатель отмечает, что объектом публичных призывов к преступной деятельности выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере безопасности общества, государства, а также человечества в целом от совершения ряда тяжких и особо тяжких преступлений.

Разделяя мнение о недопустимости расширения понятия предмета преступления путем включения агитационных материалов, текстов, компьютерной информации и т.п., которые не только не выражают сущность охраняемого законом общественного отношения, а по существу выступают инструментом причинения вреда последнему, материалы с призывами к террористической, экстремистской или иной преступной деятельности автор предлагает рассматривать как возможное орудие совершения соответствующих преступлений.

Соискатель делает вывод, что категория «призыв» не распространяется на случаи, когда высказывания или распространяемый лицом материал по причине своей отвлечённости или неконкретности не могли оказать воздействие на поведение человека. Обоснование, научное или даже псевдонаучное доказывание несправедливости сложившегося территориального устройства без высказываний, побуждающих к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, по мнению автора, нельзя квалифицировать по действующей редакции ст. 280¹ УК РФ.

Отмечается, что использование в диспозициях уголовно-правовых норм об ответственности за призывы к преступной деятельности множественного числа порождает сомнения и связанные с этим проблемы при квалификации. По этой причине диссертант поддерживает имеющуюся в теории уголовного права позицию, согласно которой во всех статьях УК РФ должно употребляться единственное число имён существительных.

В работе обосновывается, что если публичные призывы хотя и были обращены на организацию массового нарушения общественного порядка, но не содержали указаний на применение насилия, погромы, использование оружия либо оказание вооружённого сопротивления представителям власти, содеянное не подпадает под действие ч. 3 ст. 212 УК РФ. Призывы к насилию над гражданами предлагается понимать исключительно в ограничительном аспекте, то есть только как деяния, совершённые в связи с массовыми беспорядками.

Диссертант предлагает закрепить примечание к ст. 280 УК РФ в следующей редакции: «В настоящей статье под экстремистской деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 280, 282, 282¹, 282², 282³, а также иных преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса».

Руководствуясь буквальным толкованием уголовного закона, автор делает вывод, что диспозицией ст. 280¹ УК РФ охватываются публичные призывы к сецессии – реализации субъектом федерации права на самоопределение путем проведения референдума об отделении от Российской Федерации с целью созда-

ния нового государства или вхождения в состав иного государства. Аргументируется, что под признаки данного состава преступления также формально подпадают призывы к иным ненасильственным формам изменения территориального устройства России в виде создания «параллельного правительства», массового уклонения от исполнения гражданских обязанностей, бойкотирования выборов и т.п.

В целях обеспечения конституционных гарантий права на свободу слова диссертант предлагает изложить диспозицию ст. 280¹ УК РФ в следующей редакции: «Публичные призывы к вооружённому мятежу, массовым беспорядкам, совершению иных насильственных действий, а также к воспрепятствованию законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений или иных организаций в целях нарушения территориальной целостности Российской Федерации».

В работе обосновывается, что при применении ст. 354 УК РФ необходимо исходить из расширительного толкования Резолюции № 3314 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. и признавать призывами к агрессии случаи заявлений о необходимости военного вмешательства не только на территорию признанных государств, но и на территории непризнанных или частично признанных образований, обладающих такими признаками государственности как, название, государственный символ, население, контроль над территорией, состоявшуюся систему управления, права (конституция и др.).

Второй параграф второй главы диссертации посвящён изучению **оправдания или реабилитации преступных деяний**. Соискатель указывает, что распространение материалов, оправдывающих терроризм, не вписывается в рамки легальной дефиниции оправдания терроризма, поскольку не отвечает критериям такого понятия как «заявление», которое предполагает самостоятельное высказывание лица, его сообщение с изложением своей точки зрения (в устной, письменной или электронной форме) по какому-либо вопросу.

В этой связи редакцию ч. 1 ст. 205² УК РФ предлагается изложить следующим образом: «Публичный призыв или оправдание террористической деятельности, а равно распространение материалов такого же содержания».

В целях устранения смысловой неопределённости диспозиции ст. 205² УК РФ автор предлагает дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 г. №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» необходимо разъяснением в следующей редакции: «Не является оправданием терроризма одобрительное заявление, выражающее исключительно личную позицию (оценку) автора, лишённое какой-либо аргументации, свидетельств, доказательств, указаний на факты или события, которые были бы направлены на создание убеждения у неопределённого круга лиц о правильности идеологии терроризма и необходимости террористической деятельности».

Диссертант обосновывает, что имеющееся противоречие между содержанием объективной стороны ст. 354¹ УК РФ и видовым объектом главы 34 УК РФ требует регламентации уголовной ответственности за распространение сведений, выражающих явное неуважение к обществу, о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а также осквернение символов воинской славы России, в рамках специальной нормы главы 24 УК РФ – ст. 214¹ УК РФ «Посягательство на историческую память, связанную с защитой Отечества».

Соискатель делает вывод, что одобрение есть выражение лицом своего положительного отношения к тем преступлениям, которые были установлены Международным военным трибуналом. В отличие от оправдания одобрение является собой более широкое основание уголовной ответственности, поскольку отнюдь не предполагает какой-либо целенаправленной деятельности лица по изложению фактов или аргументов, обосновывающих правильность таких деяний.

В работе обосновывается, что, решая вопрос о наличии вины по делам о преступлении, предусмотренном ст. 354¹ УК РФ, необходимо, прежде всего, ориентироваться на общеизвестный и общепринятый характер того или иного исто-

рического факта, относящегося к периоду Второй мировой войны. Заявления о событиях, которые до настоящего времени по-разному оцениваются в научной или учебной литературе, не должны служить поводом для применения уголовно-правовой нормы об ответственности за реабилитацию нацизма.

Часть 1 ст. 354¹ УК РФ автором предлагается изложить в следующей редакции: «Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, оправдание преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных порочащих сведений о деятельности вооружённых сил СССР в годы Второй мировой войны, совершённые публично».

В третьем параграфе второй главы диссертации представлена уголовно-правовая характеристика **возбуждения ненависти или вражды**. Автор делает вывод, что в качестве объекта преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, выступают общественные отношения, связанные с межгрупповой толерантностью, а равно исторически сложившимися социально значимыми формами межгруппового взаимодействия.

Отмечается, что одностороннее изложение исторических событий может выступать способом совершения преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, однако только в случае если такие материалы дополнительно содержат соответствующие отрицательные оценки, негативные установки, ложные обвинения и т.д.

В работе обосновывается, что признак профессиональной (служебной) принадлежности по своей сути может выступать основанием для объединения людей в значительные социальные группы. И в данной связи действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды к медицинским работникам, полицейским, работникам прокуратуры, судьям, государственным служащим в целом, определяют стремление лица посягнуть на межгрупповую гармонию, согласие и взаимопонимание в обществе, что само по себе составляет угрозу целостному существованию общества и государства.

Диссертант приходит к выводу, что по смыслу ст. 282 УК РФ к социальной группе не следует относить объединения лиц, выделяемые по признаку их противоправной деятельности. Вместе с тем, понимая, какие формы социального протеста может приобрести возбуждаемая у населения ненависть к таким группам, автор дополнительно указывает, что правоохранительные органы должны оперативно выявлять и пресекать распространение такой информации в порядке применения положений Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Автор указывает, что возбуждение ненависти или вражды следует считать оконченным с момента совершения лицом любых действий, связанных с распространением криминогенной информации. При этом момент окончания преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, не связан с фактическим формированием у кого-либо такого специфического эмоционального отношения как ненависть или вражда.

Отмечается, что субъектом возбуждения ненависти или вражды может выступать лицо как являющееся, так и не являющееся носителем соответствующих значимых для виновного признаков (национальность, раса, происхождение и т. д.), в связи с которыми тот испытывает ненависть или вражду.

Третья глава диссертации – **«Проблемы дифференциации уголовной ответственности за распространение криминогенной информации и квалификации этих деяний»** – состоит из двух параграфов.

В первом параграфе анализируются проблемы **дифференциации уголовной ответственности за преступления, выражающиеся в распространении криминогенной информации**. Соискатель делает вывод, что российский законодатель основательно запутался в сравнительной оценке степени опасности различных видов распространения криминогенной информации.

Диссертант обосновывает, что специальное указание на электронную сеть в ряду квалифицирующих признаков уголовно-правовых норм о распространении криминогенной информации явилось следствием непродуманного и отчасти спонтанного законотворчества и в современных условиях лишено какого-либо

смысла. По мнению автора, в целях чистоты уголовного закона его необходимо исключить.

Отмечается, что использование лицом возможностей, связанных с замещением должности и выполнением функций рядового работника (к примеру, системного администратора, наборщика в типографии), не может лечь в основание квалификации содеянного как распространения криминогенной информации лицом с использованием своего служебного положения.

Диссертант делает вывод, что ч. 2 ст. 354¹ УК РФ требует законодательной коррекции путём указания на реабилитацию нацизма с «фальсификацией исторических источников».

Автором разработана типовая модель системы квалифицированных видов распространения криминогенной информации.

В работе обосновывается, что при конструировании санкций за распространение криминогенной информации должны быть учтены следующие обязательные условия: а) санкции за преступления, связанные с распространением криминогенной информации, должны быть скорректированы с учётом системно-структурных связей уголовно-правовых норм; б) формирование адекватной наказательной модели по делам о распространении криминогенной информации требует широкого использования санкций, которые одновременно являются альтернативными, относительно-определёнными и кумулятивными; в) использование санкции с одним видом наказания – лишением свободы на определённый срок, возможно лишь в случаях распространения криминогенной информации в составе организованной группы, с использованием обязательных общедоступных телеканалов или радиоканалов либо лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации.

В целях обеспечения чистоты юридической техники уголовного закона, а равно надлежащей дифференциации уголовной ответственности, автор предлагает самостоятельно выделить: 1) публичные призывы к массовым беспорядкам и насилию над гражданами в рамках ст. 212² УК РФ «Публичный призыв к массо-

вым беспорядкам»; 2) публичные призывы к геноциду в ст. 357¹ УК РФ «Публичный призыв к геноциду».

Во втором параграфе третьей главы диссертации исследуются **проблемы квалификации преступлений, выражающихся в распространения криминогенной информации**. Автор приходит к выводу, что в случаях использования современных информационных технологий местом распространения криминогенной информации правильно признавать территорию того государства, где было совершено само общественно опасное деяние, независимо от того, где с данной информацией ознакомились. При этом отмечается, что место ознакомления с криминогенной информацией скорее свидетельствует о возможности распространения уголовной юрисдикции конкретного государства, однако не характеризует само место совершения преступления.

Как приготовление к распространению криминогенной информации предлагается оценивать написание и тиражирование текстов, приобретение оборудования (копировальной техники, компьютеров, радиопередатчиков, звуковых усилителей и т.п.), установление сети абонентских номеров для смс-рассылки, приискание авторов, лекторов, распространителей, то есть все те действия, которые направлены лишь на создание условий для совершения преступления в будущем.

По мнению соискателя, признаками продолжаемого распространения криминогенной информации выступают тождественность преступных действий, их совершение в относительно короткий промежуток времени, использование одних и тех же агитационных текстов, раздаточных материалов и т.п. Соискатель отмечает, что единым продолжаемым преступлением следует также признавать случаи распространения криминогенной информации способами, предполагающими автоматическое срабатывание программного обеспечения, в результате которого происходит рассылка той или иной информации.

Диссертант указывает, что поскольку УК РФ даёт исчерпывающий перечень способов пособничества, юридическая оценка многих форм содействия распространению криминогенной информации имеет проблемный характер. Прием-

лемым решением данной проблемы, отмечает автор, является определение понятия пособника, так же как и подстрекателя, в общей форме, без указания конкретных способов.

Обосновывается, что как и в случае с подстрекательством отграничение распространения криминогенной информации от предусмотренных Особенной частью УК РФ специальных норм об ответственности за вовлечение, вербовку и склонение к совершению преступлений следует проводить по признакам конкретности призывов и их адресной направленности. По смыслу уголовного закона вовлекать, вербовать и склонять можно лишь конкретное лицо (группу лиц) и к совершению определённого преступления.

Обоснование призывов посредством возбуждения ненависти или вражды к определённой социальной группе не препятствует вменению ст. 282 УК РФ.

В работе подчеркивается, что применение уголовно-правовой нормы о реабилитации нацизма в части осквернения «символов воинской славы России» может иметь легитимный (конституционный) характер только в случае их нормативного определения (например, в Федеральном законе от 19.05. 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов»).

В **заключении** подведены итоги проведенного исследования, сформулированы его основные положения и выводы.

**Основные положения диссертационного
исследования опубликованы в следующих работах:**

Статьи в рецензируемых изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. Кунов, И.М. Уголовно-правовые ограничения свободы слова в аспекте норм международного права / И.М. Кунов // Российский криминологический взгляд. – 2015. – № 2. – С. 692–696. (0,4 п.л.).

2. Кунов, И.М. Об отдельных проблемах квалификации реабилитации нацизма (статья 354¹ УК РФ) / И.М. Кунов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 5. – С. 118–123. (0,3 п.л.).

3. Кунов, И.М. О системе ограничений свободы слова по российскому уголовному законодательству / И.М. Кунов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 69–74. (0,4 п.л.).

4. Кунов, И.М. О перспективах совершенствования дифференциации уголовной ответственности за распространение криминогенной информации / И.М. Кунов // Общество и право. – 2017. – № 2 – С. 78-83 (0,4 п.л.).

Статьи в иных изданиях:

5. Кунов, И.М. Проблемы отграничения публичных призывов к террористической деятельности от смежных составов преступлений / И.М. Кунов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф., 26-27 января 2017 г. – М.: Оригинал-макет, 2017. – С. 405–408. (0,3 п.л.).

6. Кунов, И.М. Пределы уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации / И.М. Кунов // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 07 – 08 окт. 2016 г.: в 2 т. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – Т. 2. – С. 257–265. (0,5 п.л.).

7. Кунов, И.М. Проблемные вопросы квалификации оправдания терроризма / И.М. Кунов // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., 29-30 сент. 2016 г.: в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2016. – Т. 2. – С. 207–213. (0,3 п.л.).